

УДК 811.282

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕГИОНАЛЬНЫМ ЯЗЫКАМ. ФРАНЦУЗСКИЙ ОПЫТ

А.С. Бухонкина

*Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры германо-романской филологии
e-mail: bukanna@volsu.ru*

Волгоградский государственный университет

В статье рассматривается динамика языковой политики Франции по отношению к региональным языкам, развивающейся от полного неприятия многоязычия до интенсивной ревитализации региональных языков. Автор анализирует государственную языковую идеологию с первых королевских предписаний до законодательных актов последних десятилетий. Особое внимание уделяется вопросу присутствия региональных языков в образовательной среде, которое стало возможным только во второй половине XX в. В этой связи анализируется ряд законов, ставших знаковыми для продвижения региональных языков в учебных заведениях.

***Ключевые слова:** Бретань, бретонский язык, миноритарный язык, витальность языка, французская образовательная система.*

Становление французской языковой политики. Франция известна радикальной государственной политикой в отношении так называемых «языков Франции», основными характеристиками которой являются вытеснение миноритарных языков и доминирование французского языка во всех функциональных сферах. Даже начавшийся в 80-х гг. XX в. процесс интенсивной ревитализации миноритарных языков и возврат интереса к региональным культурам не может восстановить коммуникативный потенциал и межпоколенческую передачу этих языков.

Политика языковой униформизации, проводимая во Франции в пользу французского монология, развивалась и укреплялась параллельно с формированием французской нации. С лингвистической точки зрения средневековая Франция делилась на три зоны: северной романской речи (*langues d'oïls*), южной романской речи (*langues d'oc*) и франко-провансальских диалектов. В XI–XII вв. лидирующую роль играет сначала нормандский диалект, а затем пикардский диалект. Однако с XIII в. начинается укрепление другого диалекта северной романской речи, а именно франсийского, который, будучи языком королевского домена, становится престижным и получает быстрое распространение. Именно из этого диалекта образуется впоследствии французский национальный язык.

Несмотря на развитие французского языка, латынь остается языком церкви, науки и образования вплоть до XVI в. Одним из первых проявлений унитарной лингвистической политики Франции становится подписание Франциском I Ордонанса Виллер-Коттере в 1539 г., предписывающего использование французского языка в административной сфере вместо латыни.

Проанализировав текст Ордонанса, а также ряд работ, посвященных изучению социолингвистического контекста той эпохи [Peyre 1933; Camroux 1974], мы пришли к определенным выводам. Во-первых, королевское предписание, значительно расширяющее функциональный диапазон французского языка, не рассматривалось современниками как рождение официального языка государства. Скорее, постановление 1539 года было истолковано как административный выбор в пользу французского языка короля (*françois*).

Во-вторых, в эпоху Франциска I большая часть жителей Франции говорила на своих региональных языках, на французском языке говорили только в Париже и на севере Франции. В Бретани, которая была присоединена к Франции в 1532 г., население говорило на бретонском языке, а французский наряду с латынью обслуживал административную сферу. В связи с этим этот указ не был направлен против региональных форм речи, королевская власть пыталась вытеснить латынь из институциональной сферы, укрепляя позиции языка короля, и, как следствие, позиции централизованного государства.

В-третьих, мы склонны поддержать А. Пейру в его утверждении о том, что ордонанс не только не ставил своей целью противопоставить французский язык другим языкам королевства, но и не требовал исключительного использования французского языка в административной сфере. По мнению Пейру, основное положение ордонанса, якобы определяющее исключительность французского языка, было истолковано историками и лингвистами неверно, т.к. формулировка *en langage maternel francois* означала «на родных языках французов», т.е. на французском, на бретонском, окситанских языках, а не «на родном французском языке», как принято ошибочно понимать [Van Goethem 1989].

Ван Готем следующим образом комментирует этот казус: «Смысл (подлинный) этой терминологии очень быстро был утерян. Спустя 50 лет после выхода работы Пейру, комментаторы ордонанса были уверены, что Франциск I разрешал использование только французского языка. Несмотря на убедительное, но малознакомое исследование Пейру, эта ошибочная интерпретация получила повсеместное распространение» [Van Goethem 1989: 437].

В целом, начиная с эпохи Франциска I до революции 1789 г., все другие языки кроме французского были «предоставлены сами себе», на

них не оказывалось никакого давления, их носители могли беспрепятственно использовать их в различных коммуникативных сферах и передавать последующим поколениям. *«Они (диалекты и языки) не только существовали, но и укреплялись, используясь по большей части монолингвальным сельским населением, которое по численности превосходило городское. Французский был языком Парижа, больших городов, знати и постепенно проникал в провинцию через местные элиты»* [Kremnitz 2013].

Во времена правления Людовика XIV французский оставался языком определенного социального класса и юридически не регулировался. Хотя за ним был закреплён статус официального языка, французский того времени имел ограниченные параметры функционирования. Будучи распространённым только в среде аристократии и буржуазии, он обслуживал литературную и академическую сферы. В то время на нём, вероятно, говорили менее миллиона французов с общим населением в 20 миллионов человек. В то время государство не ставило своей целью широкое распространение французского языка в разных слоях населения, считая вполне достаточным, чтобы им владели только провинциальные элиты [Giacomo 1975: 14].

Существенной поддержкой для региональных языков того времени было то, что церковь в провинциях использовала только их. Например, в Бретани миссионеры не только проповедовали на бретонском, но и переводили священные тексты на этот язык. Таким образом, конфессиональная жизнь, которая составляла основу мировосприятия людей, обслуживалась региональными языками, что способствовало укреплению их позиций.

В школах обучение продолжало традиционно идти на латыни, изучение французского языка в провинциях требовало дополнительных средств, что могли себе позволить немногие. Многие школьные учителя не знали французского, как об этом свидетельствует Жан Расин, описывая свое путешествие 1661 г. из Парижа в Узес (Прованс). В своих заметках он постоянно жалуется на непонимание французского языка со стороны жителей, подчеркивая, что за все время своего пребывания на юге он не нашел ни одного школьного учителя, который изъяснялся бы по-французски.

В начале XVIII в. ситуация начинает меняться, т.к. развитие торговых контактов, дорог, передвижение рабочей силы способствует развитию языковых контактов. Распространению французского языка также способствует развитие печатной продукции: появление газет, брошюр, политических памфлетов подталкивает к изучению французского языка. Однако последний фактор имел значение только в крупных городах, т.к. сельское население, которое составляло большинство, читало мало, и

основным средством коммуникации на большей территории оставались локальные языки.

Резюмировать соотношение региональных языков и французского языка, сложившееся незадолго до революции и сразу после нее, лучше всего позволяют данные доклада известного аббата Грегуара. В 1790 г. по его инициативе во все французские департаменты рассылается циркуляр, содержащий 43 вопроса диалектологического и социолингвистического характера. Результаты этого опроса, изложенные в знаменитом докладе *«Rapport sur la nécessité et les moyens d'anéantir les patois et d'universaliser l'usage de la langue française»*, убедительно показывают, что французский язык был проигнорирован большей частью населения:

«На французском разговаривают только лишь в 15 департаментах из 83. Можно утверждать, что 6 миллионов французов не знают французский язык, и приблизительно такое же количество людей не могут поддерживать продолжительный разговор на нем. Количество тех, кто хорошо говорит на нем, не превышает 3 миллионов человек, а количество тех, кто пишет по-французски правильно, возможно, еще меньше» [Chevalier 1994: 59]. Таким образом, четверть населения была монолингвальной и не владела французским языком, и лишь каждый десятый житель бегло говорил на французском.

После падения монархии во Франции начался период оголтелого лингвистического интервенционизма. Если первые месяцы новые власти не предавали языковому вопросу серьезного значения и, более того, проявляли терпимость по отношению к ним (например, в 1790 г. было принято решение о переводе новых декретов на региональные языки), то впоследствии вектор политики сменился на полное их неприятие. Многие исследователи отмечают, что такая скорая и разительная перемена связана с невозможностью донести идеи нового политического порядка до всех жителей республики: *«Стремление быть в курсе событий и участвовать в политической жизни со стороны провинций было очень живым, однако переводы декретов и прочих важных документов были единичными и задерживались по времени»* [Perrot 1997: 159].

Идея «равенства», которую транслировали представители нового французского порядка, должна была, по их мнению, дойти до каждого гражданина. Основным препятствием распространения это «светлой идеи» были именно региональные языки, которые и нужно было уничтожить.

Парадоксально, но старый режим, который существовал много столетий, не ставил своей целью уничтожение региональных языков. Благополучию монархии не мешало языковое разнообразие, подданные могли не владеть столичным идиомом, говорить на разных языках и вместе с тем составлять единое целое. После разрушения монархии как основы мировосприятия стало очевидным, что управлять таким разноликим в

языковом и культурном плане населением новым властям вряд ли под силу, особенно учитывая возможное усиление центробежных настроений в таких регионах, как Корсиска и Бретань. Тогда идеологи революции, возможно осознавая уязвимость многих своих позиций, сочли необходимым сделать языковое, а значит и культурное, пространство однородным.

Вслед за рядом лингвистов [Perrot 1997; Hagège 1996], мы считаем, что вопрос сохранения языкового разнообразия был системообразующим для французского государства, поскольку речь шла не просто о выборе того или иного языка как основной формы коммуникации. Франция должна была выбрать форму своей дальнейшей политической конфигурации: позволить провинциям использовать свои языки, и тем самым имплицитно способствовать развитию не только лингвистического, но и политического федерализма, или выдавить их на коммуникативную периферию, поставив в центр французский язык. В первом случае мы бы получили еще одну Швейцарию, с размытым центром и равным статусом для нескольких языков. При отсутствии монархии как цементирующего элемента многие провинции, которые в культурном отношении так и не присоединились к французской короне, в новых условиях могли бы заявить об автономном пути развития. Однако Франция выбирает второй вариант – вариант унитаризма, когда Париж становится единственным центром, а французский язык – единственно признанным идиомом, историческая миссия которого как раз и заключается в поддержании этой идеи централизованного государства.

М.-К. Перро следующим образом комментирует этот выбор в пользу французского языка:

«Новый политический режим ставил перед собой следующий вопрос: допустимо ли пожертвовать лингвистическим единством как носителем национального единства в пользу распространения революционных идей, благоприятствуя при этом региональным языкам. Этот вопрос отражает колебание между федерализмом и парижским централизмом»[Perrot 1997].

Якобинская максима «одна нация – один язык» свидетельствовала о том, что новая идеология, хотя и провозглашает равенство, но равенство, которое не предполагает языковой инаковости. Когда старые надсистемные принципы-«скрепы» были провозглашены отсталыми, тогда революционеры решают «скрепить» общество, состоящее из разных этнических групп, при помощи языка. Впервые во Франции идея государства и языка стали взаимозависимыми, что стало началом политики лингвистического интервенционизма, которая во многом проводилась по законам революционного террора.

«Отныне язык стал государственным делом: нужно было дать один национальный язык единой и неделимой Республике и повысить уровень масс через образование и распространение французского языка. В противном случае, идея единой и неделимой Республики не могла сочетаться с лингвистической раздробленностью и обособленностью старых провинций. Идеологи буржуазной революции видели в них препятствие пропаганде их идей, объявив войну так называемым “патуа”» [Puren 2003: 34].

Цитата из доклада Бертрана Борера «об идиомах», который он произнес перед Конвентом 27 января 1794 г., также вполне иллюстрирует настроения того времени: *«Сколько же трат мы сделали для того, чтобы перевести законы двух первых национальных ассамблей на различные идиомы Франции! Как будто это в наших интересах поддерживать эти варварские наречия и эти грубые идиомы, которые могут быть полезны только фанатикам и контрреволюционерам!» [Vigier 1979: 196].*

Примечательно, что в том социо-политическом контексте номинация «язык» была закреплена только за французским языком. Все остальные языки пренебрежительно назывались патуа или феодальные идиомы.

Школа как проводник языковой политики. Основной ударной силой по продвижению новой лингвистической политики должна была стать школа, что и было заявлено в одном из декретов от 25 октября 1795 г.: *«Во всех частях Республики образование должно осуществляться только на французском языке».* Шарль Морис Талейран, который занимался образованием с 1780 г., предложил изменить образовательную систему, ратуя за развитие государственных школ, которые стали бы первыми проводниками республиканских ценностей, насаждая французский язык с первых лет обучения. В своем докладе от 10 сентября 1791 г. он писал: *«Начальные школы смогут наконец положить конец незнанию французского языка: язык конституции и законов будет преподаваться во Франции повсюду, а множество искаженных диалектов, как последний остаток феодализма, будут вынуждены исчезнуть» [Chanet 1996].*

В период Конвента решение проблемы региональных языков радикализуется, что явствует из многих законодательных инициатив, авторы которых уже открыто пропагандируют языковой остракизм. На фоне возрастающих сепаратистских настроений в Бретани, Корсике и Эльзасе 27 января 1794 г. власти принимают декрет, согласно которому в течение 10 дней предписывалось отправить во все департаменты вышеозначенных регионов учителей французского языка, в обязанности которых входило не только его преподавание, но и перевод, и озвучивание законов, принятых в Париже. Таким образом, школа была призвана исправить положение, научив граждан говорить по-французски и мыслить

по-республикански. Однако выполнить этот закон было достаточно сложно ввиду отсутствия нужного количества учителей, знающих французский язык и лояльных к революционным идеям.

Несмотря на все принятые законы и давление со стороны государства, в конце эпохи революции региональные языки оставались главным средством общения в подавляющем количестве французских провинций. Этот тезис подтверждается результатами опроса, проведенного в 1807 г., во времена Первой Империи, по инициативе директора Департамента статистики К. де Монбре. По данным опроса де Монбре составил карту, указывающую границы регионов, в которых были распространены региональные языки. В своем докладе де Монбре делает вывод о том, что большая часть населения Франции использует в повседневной жизни не французский язык, а диалекты и патуа.

В эпоху Второй Империи процесс вытеснения региональных языков продолжился: различные инструкции предписывали запрет на использование местных языков при обучении, хотя многие официальные тексты все еще переводились на локальные языки. К середине XIX века (1863 г.) 7,5 миллионов человек из 38 во Франции не знали национальный язык.

Процесс распространения французского языка ускорился во времена Третьей республики, когда государству потребовалось большее число чиновников, владеющих французским языком. Несмотря на введение всеобщего школьного образования, главной целью которого было появление нового поколения франкоговорящих детей, по возвращении домой дети не использовали французский язык. В одном из писем префектов бретонских департаментов Кот-дю-Нор и Финистер, адресованных министру народного образования, находим следующий призыв к более активной борьбе с региональными языками: *«Необходимо любыми способами благоприятствовать оскудению, разложению бретонского языка, до тех пор, пока его не будет слышно ни в одной из коммун [...], именно тогда необходимость коммуникации подтолкнет крестьянина изучать французский. Абсолютно необходимо разрушить бретонский язык»* [Broudic 1995: 67].

Во второй половине XIX в. наблюдается радикализация лингвистической политики по отношению к региональным языкам. Многие высказывания чиновников от образования того времени свидетельствуют о политике культурного геноцида, проводимого по отношению к языкам этнических меньшинств – бретонцев, басков, корсиканцев, эльзасцев. Однако среди всех официальных и полуофициальных заявлений той эпохи, которые мы проанализировали, наибольшему остракизму подвергся именно бретонский язык. В

подтверждение приводим следующие, найденные нами примеры отрицательного отношения к бретонскому языку:

– *«Не забудьте, что вы здесь исключительно для того, чтобы уничтожить бретонский»* (заместитель префекта учителям в Бретани);

– *«Принцип, который никогда не должен нарушаться: ни слова на бретонском ни в классе, ни на перемене»* (М. Дозимон, инспектор образования в Бретани, 1897);

– *«Для лингвистического единства Франции необходимо, чтобы бретонский исчез. Повсюду в Бретани, будь то в школах или в других общественных местах необходимо поместить вывеску «Запрещено говорить по-бретонски и плевать на землю»* (Анатоль де Монзи, министр народного образования, 1925г.) (цит. по: [Martel 1992]).

Что касается нового времени, то до 60-х гг. XXв. разные составы правительства приняли около 40 законодательных актов и указов, касающихся образования, прессы и орфографии. Несмотря на неприятие региональных языков на всех уровнях, уже во второй половине XIX в. предпринимаются первые попытки легализовать их преподавание. Однако уже в то время в министерских циркулярах, посвященных преподаванию региональных языков, не было места языкам группы д'ойль, т.к. они: *«Опустились до уровня говоров; их изучение может еще заинтересовать филолога или литератора, однако не представляет интереса для провинций. Будучи едва отличимыми от того французского языка, на котором мы говорим, они не являются собственно языками»* [Giacomo 1975: 18]. Согласно распоряжению от 1902 г. всего лишь шесть языков получили право преподаваться в государственных школах: провансальский, баскский, бретонский, фламандский, эльзасский, корсиканский.

В 1922 г. проблема преподавания региональных языков опять вышла на первый план в связи с развитием движения Фелибриж, ратующего за возрождение провансальского языка и литературы. В правительственных и общественных кругах острые дебаты шли вокруг проблемы использования произведений на региональных языках в учебном процессе, т.к. в учебниках того времени отсутствовали признанные авторы, пишущие на провансальском или бретонском языках. В частности, многие считали недопустимым отсутствие в школьных программах такого признанного автора как Фредерик Мистраль.

Эволюция языкового законодательства в отношении региональных языков. Важным этапом в укреплении позиций региональных языков стал закон Дейксона, принятый в 1951 г., который разрешил преподавание в школах и вузах нескольких региональных языков: бретонского, баскского, каталанского и окситанского. В этот список не были включены эльзасский, фламандский и корсиканский языки,

отчасти из опасений поощрить ирредентизм в соответствующих регионах, отчасти из-за того, что эти языки негласно считались диалектами немецкого, голландского и итальянского языков, которые преподавались в школах как иностранные.

Сам закон был не только направлен на укрепление позиций региональных языков, но и на их реабилитацию в общественном пространстве. Поскольку во время оккупации Франции, немцы активно поддерживали сепаратистские настроения в проблемных регионах, например в Бретани, и способствовали укреплению позиций миноритарных языков, это существенно скомпрометировало любые притязания регионов на культурную и языковую инакость. Закон Дейксона в этом смысле стал попыткой показать несостоятельность отождествления региональных языков с коллаборационизмом и реакционными проявлениями. Кроме того, новый закон усилил процесс демократизации политического устройства и общественной жизни, начавшийся во Франции в начале 50-х гг., подтвердив, что лингвистическое разнообразие не является питательной средой для сепаратизма. Благодаря закону, общественно-политическим кругам Франции был дан своего рода сигнал о том, что Бретань и бретонцев можно и нужно воспринимать не как пособников оккупационных властей, но как активных участников Сопротивления. Закон поощрял динамику развития бретонской идентичности, делая акцент на том, что бретонствующая Бретань намного менее консервативна, чем не бретонствующая.

К минусам закона можно отнести ограничение его распространения на референтных территориях, слабая подготовка преподавателей региональных языков, размытые формулировки продолжительности уроков и факультативность экзаменов. Необходимо также учитывать, что во времена принятия этого закона региональные языки не были атрибутом повседневной жизни пожилых людей, проживающих в сельской местности, как это происходит в настоящее время. Несмотря на то, что региональные языки были лишены институциональности, до 50-х гг. XXв. они во многом сохраняли свой коммуникативный потенциал. В частности в Бретани, живое общение на бретонском языке было частью повседневной жизни, т.к. не было еще окончательного обрыва внутрисемейной трансмиссии языка, связанного с уходом людей старшего поколения. Поскольку дети, обучающиеся в то время в школе, говорили на региональных языках в той или иной степени интенсивности, то задача сводилась к тому, чтобы развить их навыки чтения и письма, а также использовать их в качестве базы для изучения французского языка. Этими обстоятельствами обусловлены формулировка закона, который разрешал учителям «использовать региональные говоры в начальной школе всякий раз, когда это способствует изучению французского языка».

Четверть века спустя в 1975 г. закон Дейксона был дополнен и усилен положениями закона Аби (loi Naby). Одним из главных постулатов нового закона стал тезис о возможности преподавания языков и культур на протяжении всего периода обучения. В отличие от закона Дейксона, закон Аби предусматривал возможность преподавания не только региональных языков, но и основ региональных культур. Важным дополнением стало то, что этот юридический документ предписывал руководству образовательных учреждений предоставлять возможность изучения региональных языков по требованию местного населения. Таким образом, если закон Дейксона был сформулирован так, что преподавание региональных языков носило рекомендательный характер, а окончательное решение было за школьной администрацией, то закон Аби указывал на обязательность их преподавания при определенных условиях.

Последующие законодательные акты, направленные на регламентацию языковой политики, либо совсем не касались региональных языков, либо не добавляли к предыдущим ничего существенного, как например закон Тубона от 1994 г.

Под давлением общественного запроса на сохранение и поддержку региональных языков, в апреле 2021 г. французский парламент принял закон «о защите и продвижении региональных языков», который без преувеличения можно назвать историческим. Закон Моляка, названного по имени бретонского депутата Поля Моляка, его инициатора, позволяет существенно расширить возможности преподавания региональных языков в государственных и частных школах. Кроме того, он легализует двуязычную систему указателей и допускает использование диакритических значков, указывающих на специфическое региональное произношение, в официальных документах. По сути, впервые за всю историю Франции дается зеленый свет присутствию региональных языков в институциональной сфере.

Помимо легализации преподавания всех без исключения региональных языков в государственных образовательных учреждениях, закон предусматривает значительное увеличение финансирования программ так называемого «погружения» (*enseignement d'immersion*), которые предполагают отказ от французского языка и повсеместное использование региональных языков в двуязычных школах.

Филипп Бланше следующим образом комментирует значимость закона Моляка для укрепления позиций региональных языков в социолингвистической иерархии: «Закон Моляка имеет сильный символический потенциал, т.к. возвращает достоинство региональным языкам, защита и продвижение которых становятся правом граждан и долгом исполнительной власти» [Langue régionale 2021].

Таким образом, французская лингвистическая политика прошла долгий путь от полного неприятия и вытеснения региональных языков из всех коммуникативных сфер до сначала осторожного признания права их изучать и использовать в быту, а затем и институционально закрепленного права на государственную поддержку возрождения и продвижения.

Библиографический список

Broudic F. La pratique du breton de l'ancien régime à nos jours. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 1995. 490 p.

Camproux C. Les langues romanes // Que sais-je? 1974. № 1562. Pp. 80-83.

Chanet J.-F. L'Ecole républicaine et les petites patries. Paris, 1996. 432 p.

Chevalier J.-C. F. Brunot: la fabrication d'une mémoire de la langue // Languages. 1994. № 114. Pp. 54-68.

Giacomo M. La politique à propos des langues régionales: cadre historique // Langues française. 1975. № 25. Pp. 12-28.

Kremnitz G. Histoire sociale des langues de France. Rennes: Presse Universitaire des Rennes, 2013. 906 p.

Hagège C. Le français, histoire d'un combat. Paris, 1996. 193 p.

Langue régionale. Les réactions à la censure de la loi Molac par le Conseil constitutionnel // Ouest-France. 2021. № 5

Martel P. Les pédagogues et les "patois" sous la IIIe République // Lengas e païs d'oc. 1992. № 23. Pp. 11-22.

Peyre H. La royauté et les langues provinciales. Paris, 1933. 115 p.

Perrot M.-C. La politique linguistique pendant la révolution française // Mots 1997. № 52. Pp. 158-167.

Puren L. Pédagogie, idéologie et politique linguistique. L'exemple de la méthode Carré appliquée à la francisation de la Bretagne à la fin du XIXe siècle // Glottopol. 2003. № 1. Pp. 33-52.

Van Goethem G. La politique des langues de France en 1620-1804 // Revue du Nord. 1989. № 281. Pp. 437-460.

Vigier Ph. Diffusion d'une langue nationale et résistance des patois en France au XIXe siècle // Romantisme. 1979. № 26. Pp. 191-208.

References

Broudic F. La pratique du breton de l'ancien régime à nos jours. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 1995. 490 p.

Camproux C. Les langues romanes // Que sais-je? 1974. № 1562. Pp. 80-83.

Chanet J.-F. L'Ecole républicaine et les petites patries. Paris, 1996. 432 p.

Chevalier J.-C. F. Brunot: la fabrication d'une mémoire de la langue // Languages. 1994. № 114. Pp. 54-68.

Giacomo M. La politique à propos des langues régionales: cadre historique // *Langues française*. 1975. № 25. Pp. 12-28.

Kremnitz G. Histoire sociale des langues de France. Rennes: Presse Universitaire des Rennes, 2013. 906 p.

Hagège C. Le français, histoire d'un combat. Paris, 1996. 193 p.

Langue régionale. Les réactions à la censure de la loi Molac par le Conseil constitutionnel // *Ouest-France*. 2021. № 5

Martel P. Les pédagogues et les "patois" sous la IIIe République // *Lengas e país d'oc*. 1992. № 23. Pp. 11-22.

Peyre H. La royauté et les langues provinciales. Paris, 1933. 115 p.

Perrot M.-C. La politique linguistique pendant la révolution française // *Mots* 1997. № 52. Pp. 158-167.

Puren L. Pédagogie, idéologie et politique linguistique. L'exemple de la méthode Carré appliquée à la francisation de la Bretagne à la fin du XIXe siècle // *Glottopol*. 2003. № 1. Pp. 33-52.

Van Goethem G. La politique des langues de France en 1620-1804 // *Revue du Nord*. 1989. № 281. Pp. 437-460.

Vigier Ph. Diffusion d'une langue nationale et résistance des patois en France au XIXe siècle // *Romantisme*. 1979. № 26. Pp. 191-208.